

Новый рассвет застал Гарри уже бодрым и готовым к дальнейшему пути, хоть и не ведающим, куда он его заведет. "Может, к следующему великому приключению?" – с грустной улыбкой подумал он, вспоминая о том, как мечтал об этом. Впрочем, "приключение" – не совсем то слово, которое приходило на ум. – Искренне забавляясь иронией, он подумал, как же все это странно. В свете нового дня открытия и события, случившиеся с ним, казались не такими уж серьезными. Да, было шокирующе, странно, даже пугающе, но ничего плохого... пока. "Если повезет, то это произойдет еще не скоро", – подумал он, улыбаясь, вспоминая все те неприятности, в которые попадал он и его друзья на протяжении многих лет. Много лет назад он сказал им, что не ищет неприятностей. Неприятности, как правило, находили его сами. Тогда война еще не началась; это было до возвращения Волдеморта, до того, как все стало мрачным. Гарри тосковал по тем дням, когда он еще не мог видеть Тестралов, когда в нем еще жило невинное удивление перед всеми волшебными вещами в мире волшебников. Когда изгнание казалось более страшным, чем смерть. Юный волшебник с тоской думал о Гермионе и Роне, желая снова быть с ними, хотя всего несколько дней назад он мечтал о следующем приключении. Даже больше, чем возвращение в свой собственный мир, он хотел, чтобы его друзья были здесь. Если бы Рон и Гермиона были с ним, это странное приключение было бы не таким уж плохим. Но друзей здесь не было. Он был один, и ему пора было двигаться дальше. Улыбка Гарри померкла, и даже веселые птицы и обнадеживающий свет солнца не смогли вернуть ее. Он никогда не возражал против одиночества, но сейчас, в одиночестве в этом новом мире, оно казалось тяжким бременем. Он вздохнул, подобрал свою единственную "вещь" и снова начал идти. Насколько ему было известно, он был единственным человеком в этом мире. День прошел так же, как и предыдущий: он был наполнен прогулками, размышлениями и, как ни странно, смехом и играми. Странное удовольствие, которое новая, детская часть его души получала от всего, что его окружало, было одновременно удивительным и, как ни странно, теперь, когда он привык к этому, немного облегчало. После оцепенения, которое он испытывал, вернувшись в свой мир, после того как война заставила его утратить радость, которую он испытывал в мире волшебников, было приятно ненадолго отпустить ситуацию, позволить себе насладиться моментом. Это было странное противоречивое чувство. С одной стороны, было очень странно и даже одиноко, что он пробыл здесь почти два дня, не увидев ни одного живого человека. Но в то же время он чувствовал себя свободным, находясь здесь, в одиночестве, вольным поступать так, как ему заблагорассудится, смеяться и играть без чьего-либо осуждения, кроме своего собственного. Он знал, что ведет себя по-детски, но с этими детскими порывами было так трудно бороться, когда казалось, что, поддавшись им, он не причинит никакого вреда. И это ощущение полной свободы от бремени, которое он обычно испытывал, было настолько освобождающим, что с ним могло сравниться только то, что он чувствовал, когда летал. От этих мыслей Гарри отвлек неожиданный звук. Он замер на месте, пытаясь определить, что именно он слышит. После минутного молчаливого вслушивания он всё ещё не был уверен и решил подойти поближе. Бесшумно, как только мог, он скользил в том направлении, откуда доносились звуки, с любопытством и осторожностью прикидывая, что могло их издавать. "Лошади!" – наконец осенило его, и он узнал звук копыт. В нем проснулось волнение, вызванное детской натурой, и он решил подойти поближе, чтобы разглядеть их, но при этом старался не шуметь и держаться в тени, не желая, чтобы они заметили его в свою очередь. С его удачей лучше быть осторожным, даже если его гриффиндорская склонность с головой нырять в неприятности иногда отменяла это. Наконец он оказался достаточно близко, чтобы заглянуть в просвет между деревьями, и благодаря своему новому улучшенному зрению заметил первых людей, которых увидел с тех пор, как попал в этот мир. Как только Гарри взглянул на них, его охватила волна облегчения. Он не был одинок в этом мире. Конечно, он не верил, что это так, но, не встретив никого в этом мире, он чувствовал себя немного... потерянным. Хотя Дурслей обычно игнорировали, в мире волшебников их почитали или критиковали, и из-за этого он не очень-то любил людей в целом, он никогда не проводил почти два дня, нигде никого не встречая. Мимо него всегда проходили незнакомые люди на улицах

или доносились голоса из соседнего дома. Здесь же не было никаких признаков других людей или даже нелюдей, и, несмотря на то, что обычно он предпочитал одиночество, оставаться совсем одному в этом мире было, мягко говоря, пугающе. Утешало лишь то, что он не совсем одинок здесь, где бы он ни находился. Чувство облегчения проходило с каждой минутой, пока он оставался на месте, наблюдая издали за проходящими мимо него людьми. Их было трое: суровые мужчины с большим количеством оружия. Старинное оружие: мечи, луки и колчаны. Их одежда и то, что они ехали на лошадях, дополняли общую картину средневековья. Он шел рядом с троицей, стараясь держаться в нескольких линиях деревьев между ними. Он был благодарен лошадям за то, что они шли пешком, так как ему было бы очень трудно угнаться за ними, если бы они ехали быстрее. Но даже в этом случае идти с ними в ногу было трудно. Он шел уже почти весь день и начал уставать. Но он продолжал идти, несмотря на усталость. Он не хотел упускать этих людей из виду. И он должен был признаться себе, что гораздо больше, чем надежда на то, что они приведут его к тому, что в этом мире считалось цивилизацией, его заставлял идти за ними страх снова оказаться в полном одиночестве в чужом мире. Почти два часа он незаметно следовал за этими незнакомцами. Время от времени он слышал, как они обмениваются парой слов, но на языке, которого он не понимал. Это беспокоило его. Не то чтобы он собирался подойти к ним, но было бы неплохо знать, что он сможет общаться с ними, если захочет. А он не хотел. Не хотел. Совсем. Ладно, может быть, новая детская часть его души и вправду хотела представиться этим незнакомцам, чтобы больше не быть одному. Но в данном случае Гарри безжалостно подавил это желание. Он не собирался наивно подходить к ним и просить присоединиться к ним на некоторое время. Эти люди выглядели опасными, а у него не было палочки и телосложение ребенка. Все, что у него было для самозащиты, – это умение прятаться. Если он покажется этим людям, то окажется слишком уязвимым, чтобы ему это понравилось. Он шел за ними, словно призрак, едва заметный, скользкий по краю их поля зрения. Осторожность его души не позволяла ему открыться, выступить из тени. Но та его часть, что томилась от одиночества, от безвыходности своего существования, не хотела отпускать их, цеплялась за их силуэты, за их свет.